

СОБЕСЕДНИК

Поэзия Виктора Бокова пользуется широкой популярностью. Кому не известны его стихи, ставшие затем любимыми песнями миллионов людей не только у нас в стране, но и за рубежом! Помните: «Ивушка», «Оренбургский платок», «На побывку едет», «Снег седины», «Лен, мой лен», «Колокольчик»... Они, да и многие другие, исполняются с самых высоких сценических подмостков и звучат в деревенской избе.

Сегодня В. Ф. Боков наш собеседник.

Виктор Боков:

«ОСТАВИТЬ СЛЕД В ДУШЕ НАРОДА...»

— Виктор Федорович, начнем с того, что вас, человека, так связывает с природой. И темы ваших стихов ближе селу...

— Ну, это не вопрос. Труднее было бы ответить на противоположный — что не связывает? Родился я в деревне Язвицы под Загорском Московской области. В предисловии к одной из первых книг я написал: «Основной запас впечатлений у меня сельский». Это вот «сельское», идущее от земли, до сих пор питает мое творчество. Слово бы черпаете вдохновение из сказочного родника живой воды. Чувство причастности к земле, возраставшей и вскормившей, милее всех.

Действительно, как ни крути, городская жизнь отдаляет от земли. Тем радостнее возвращение, горячая встреча с изначальным. Побывал я как-то в совхозе имени Моссовета и тут же, во время встречи с рабочими, написал стихотворение «Гимн овощеводу». Не смог, да и не стал удерживать эмоции. Может, потому оно получилось не «проходным», а стало открытием.

— Мне запомнилась строчка из одного вашего стиха: «Поэзия — ты та же пашня...» Что это! Случайно принесенный Пегасом образ или выношенное, выстраданное!

— Как знать? Иногда мифический Пегас планирует на своих воображаемых крыльях и оставляет свой след на листке бумаги как будто бы случайно. Но я не мистик, я в случайностях ищу закономерность. И во многом здесь помогает непосредственное общение с людьми: с их работой и заботой, радостью и печалью. Однажды был я в гостях у подмосковных текстильщиков. Не просто был, а жил с ними душа в душу, подружился с ними. Не будь этого, никакой Пегас, то бишь вдохновение, не помог бы. А тут появились «Двадцать тапочек». Стихотворение я написал прямо в автобусе текстильного городка, в тесноте рабочего люда, едущего на фабрику. То гулянье, что изображено в нем, происходило накануне. А «сигналом» (или взмахом Пегасова крыла) послужила такая маленькая бытовая деталь. Девушкиткачи хоть и гуляли допоздна, но успели, не забыли перед сменой побелить запялывшиеся с вечера тапочки, развесть их на заборчике палисад-

ника, окружающего общежитие, чтоб сушились. И вот картина молодежного гулянья так живо вспомнилась и представилась воображению, что хлынула стихами.

— Хлынуть стихами... Это же, кроме мастерства строителя, предполагает и «строительный материал». У поэта этот материал — слово. Где вы берете его, такое разное и понятное, звучное и точное!

— Вот это уже вопрос: где найти слово? Не просто подходящее, а единственно нужное в данном конкретном случае. Ведь труд поэта основывается в первую очередь как раз на поиске слова. Признание приходит потом и лишь в том случае, если ты сумел найти такое слово, чтобы, создав образ, оно воспринималось читателем так, как будто он нашел его сам. И уж во всяком случае не ломал бы голову над его смыслом, происхождением. Словари здесь не помогут. Поэт ищет «строительный материал» в живой народной речи, среди еще не застывших в печатных строках словах-самородках. Есть у меня стихотворение, в котором, кажется, содержится прямой ответ на вопрос.

Называется оно: «Любите слово!» Вот строчки из него:

«Разъезд Разнежье, станция Раздоры,

Село Елань, деревня Вишняки.

Создал народ наш

Слов златые горы,

Стихов золотиносные пески».

Вот разгребашь эти горы, промывашь эти пески и находишь нужное. Где? Да везде. Вот, к примеру, по утрам я хожу на рынок. Куплю для отвода глаз, может, луку пучок, может, моркови, может, грибов сушеных связку. Но с рынка, будь то в Москве, Загорске, Переделкине, Пушкине, Туле, Костроме, Владимире, не одну только авоську уношу с собой. Десятки новых, неизвестных речений, слов, прибауток. У меня таким образом собралось несколько тысяч частушек, пословиц, поговорок народных. Даже стих по этому поводу сочинил. «Базар» называется:

«Я рынком, как стихом, живу,
Я здесь слова гребу лопатой».

— Виктор Федорович! Расскажите, насколько это возможно, «о расписании», что ли, вашего рабочего дня. Когда вы пишете!

— Если бы все шло по расписанию... Зовут в завод-

ской цех и колхозный клуб, на строительную площадку и на творческие вечера, занятия литературных объединений самодеятельных поэтов. Как тут откажешься? Но, кроме общения с людьми, требуется еще и побыть одному. Наедине с бумагой, на которую ложатся строчки. Стараюсь просыпаться и заниматься делом как можно раньше. Когда пишу? Пожалуй, всегда. Да, не удивляйтесь. Одну из книг даже так и назвал: «Когда светало...» Открывается она такими строчками:

«За полчаса до первого луча
Природа дремлет тихо и доверчиво,

Но луч скользнул и разбудил грача,
Который свою речь готовил с вечера...»

Так и пишущему человеку приходится «речь свою готовить», не считаясь с временем и силами.

— Читатели, слушатели, да и критики в первую очередь выделяют лирическую направленность ваших стихов. Часто лирического героя и автора отождествляют. Так это или...

— И так, и не так. От первого или от третьего лица пишешь, все неизбежно через собственное «я». В этом и есть индивидуальность поэта, художника, актера, музыканта. Все решает нравственная позиция автора. От того, насколько четка и определена она или, наоборот, расплывчатая, зависит успех. Никакими словесными вывертами не заменишь мысль. А без мысли нет поэзии, как, впрочем, и любого вида литературы, искусства.

— Виктор Федорович, У вас, я знаю, большая почта...

— Да, что есть, то есть. Времени, конечно, уходит на это много, но оно не пропадает даром. Читаешь письма — и словно бы видишь новых незнакомых людей, находишь «вкусные» словечки, наматываешь на ус советы и пожелания.

...Беседа наша заканчивается. Я уезжаю из Переделкины и по дороге перебираю в памяти его стихи и нахожу те, которые, мне кажется, имел он в виду, предупреждая о легкой работе поэта. Да, это они:

«Поэзия, ты та же пашня
С портретной глубиной
пласта,
И для тебя всегда опасна
Поверхностная пахота».

О. КИБИТОВ.
Переделкино — Москва.